

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
П97

Camille Pagán

I'M FINE AND NEITHER ARE YOU

Copyright © 2019 by Camille Pagán

Cover design by David Drummond

Перевод с английского *Ирины Наумовой*

Пэган, Камилла.

П97 Я в порядке, и ты тоже / Камилла Пэган ; [перевод с английского И. Наумовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-105100-6

Как часто нам кажется, что у окружающих жизнь ярче, интереснее, чем у нас.

У Пенелопы обычная семья и обычная работа.

Зато у нее есть пример для подражания — ее подруга Дженни хороша буквально во всем. У нее красивые муж и дочь, замечательный дом, отличная работа. Она сильна духом и всегда готова поддержать.

Пенелопа втайне мечтает быть такой же яркой, как Дженни, любить мужа чуточку сильнее и стать известным писателем детских книг. Но когда Дженни умирает от случайной передозировки лекарств (случайной ли?), Пенелопа открывает для себя совершенно новую сторону жизни подруги. Это поможет ей взглянуть критически, без розовых очков, на себя и на своих внешне удачливых знакомых.

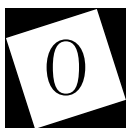
УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Наумова И., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105100-6

*Посвящается женищинам,
встреченным мною в жизни, в частности,
Пэм К. Салливан и Джанетт Сьюнадар*

Глава 1



Ошибки были совершены. Собственно говоря, первой я даже не совершала, это было лишь зачатком мимолетной, но заразной идеи. Просто, сев на унитаз, я перебирала в уме разные повседневные заботы и спрашивала себя, почему я не сделала то или другое, как вдруг, перечеркнув все остальное, меня осенила одна мысль:

Я хочу уехать.

Возможно, все дело было в фотографии, которую минутой раньше я увидела в своем телефоне. Одна из моих подруг и коллег по работе опять уехала в отпуск и запостила снимок, на котором за ее ухоженными пальцами с прилипшим к покрашенным ногтям песком открывался бескрайний горизонт Карибского моря. У нее на коленях лежал какой-то роман, книга была закрыта, чтобы лучше была видна обложка (и, предположительно, стройные бедра моей подруги). По снимку можно было догадаться, что мальчик на побегушках принес ей коктейль, который она держала в свободной руке.

Я посмотрела вниз, на свои ноги, не такие загорелые, как ее. Недавно я прочитала, что, для того чтобы остаться в живых, помогая другим, нужно надеть на себя респиратор. Увы, мне не удалось

уловить связи между выживанием и солнцезащитным кремом.

Но мое внезапное желание оказаться где-нибудь в другом месте, вероятно, в меньшей степени было вызвано завистью, чем воплем моего младшего ребенка, доносившегося через сантиметровую щель между дверью туалета и косяком.

— Мапочка! Мам! Мааааммоочка!

— Майлз, ты не можешь хотя бы на минутку оставить меня в покое? — Ответа на это бесполезное сотрясение воздуха я не дождалась бы и в следующие двенадцать лет и два месяца. — Пойди, попробуй разбудить отца.

Ручка повернулась. Потом дверь распахнулась, в проеме, сжав кулаки на узких бедрах, стоял мой сын. На его искаженном лице все еще были заметны следы ярости, в то же время на нем читалось явное удовольствие от того, что он пришел заложить свою старшую сестру.

— Стиви обозвала меня сморчком! — сказал он.

Все еще сидя на толчке, как на насесте, я отвернулась, уткнувшись подбородком в плечо, чтобы скрыть улыбку. Взяв себя в руки, я посмотрела на сына.

— Что же, это довольно глупо. Как я учила отвечать тому, кто достает тебя?

На его губах заиграла ангельская улыбка.

— Дать ему по яйцам?

— Милый, если ты сделаешь это и будешь говорить всем, что этому тебя научила я, то в конце концов будешь жить с Пирожком.

У него мгновенно сморщилось лицо, и он начал плакать. И правда, моя свекровь Рия, предпочитав-

шая, чтобы ее называли продуктом выпечки, а не бабушкой, в зародыше душила всякую инициативу своих внуков, когда ей приходилось присматривать за ними. Поэтому слезы Майлза служили напоминанием о том, какая микроскопическая черта отделяет шестилетнего ребенка от человека на грани расстройства личности.

— О, милый, перестань. Просто не обращай внимания на Стиви, — сказала я, как будто этот совет, произнесенный в четырехсотый раз, мог уладить дело. — Пойди и насыпь себе чашку хлопьев.

— Я хочу вафли, — шмыгая носом, проговорил он. Его щеки, исчерченные блестящими дорожками, оставшимися от слез, пылали от возмущения. Я бы прижала его к себе и обняла, но я еще не подтерлась.

Между тем Майлз гордо удалился, оставив дверь открытой нараспашку. Я сидела достаточно далеко и не могла закрыть ее сама, поэтому быстро протянула руку назад. Мои пальцы наткнулись на картонную бобину, на которой должна была быть бумага. Бобина за унитазом была пуста.

Поскольку дети жили у нас в цокольном этаже, внизу, мне нужно было, чтобы кто-нибудь поднялся наверх и отыскал туалетную бумагу.

— Майлз! — позвала я. — Вернись!

Тишина на линии.

Тогда я решила позвать дочь.

— Стиви!.. Стиви?

Снова никакого ответа. Я была готова завопить, изрыгая в коридор пустые угрозы, когда появился Санджей.

— Кто-то умер?

«Любовь», — подумала я. Но вместо того чтобы произнести это вслух, я протянула руку назад и нажала на смыв, отчего брызги воды из бачка полетели во все стороны. Кому нужно биде, если вашей канализации не один десяток лет?

— Тебе тоже доброе утро. Не мог бы ты принести мне туалетную бумагу?

Санджей покачал головой, на которой еще не было ни одного седого волоска. В тридцать девять лет у него был такой же плоский живот, как шестнадцать лет тому назад. Морщин на его смуглой коже тоже было не больше, чем тогда. На череду разочарований среднего возраста намекали только темные полукружья под глазами.

— Она вчера закончилась.

Я уставилась на мужа.

— И ты решил сказать мне об этом только сегодня утром? — Я могла бы выйти в магазин до того, как проснутся дети.

— Пенелопа, я сказал тебе об этом на прошлой неделе, — ответил он, и, поскольку он назвал меня полным именем, я поняла, что он оскорблен. — Помнишь?

Я не помнила.

— У меня не было возможности напомнить тебе еще раз вчера вечером, потому что к девяти часам ты вырубилась, — добавил он.

Да, да, я вырубилась, потому что предыдущей ночью вставала в два часа, чтобы поменять Майлзу мокрые простыни. А за ночь до этого мне пришлось почти час пялиться в потолок, размышляя о том, что сделать с потолком, чтобы не казалось, что мы спим в нескольких футах от луны. Когда мы

покупали этот дом, наш риелтор назвал это крупнопористым потолком. Санджей купил респиратор, раствор в виде спрея и специальный инструмент и восемь минут простоял на складной лестнице, закинув голову назад, прежде чем отказался от этой затеи. Мне пришлось найти кучу всяких мастеров — мастера по стенам, мастера по крыше и мастера для стрижки лужайки, а еще, для ровного счета, галлон краски. Четыре года спустя Санджей все еще клялся, что собирается взяться за потолок, я же принципиально отказалась делать это сама. Между тем всякий раз, просыпаясь, я находила на краю кровати крошки пластика.

Санджей исчез. Я была готова выругаться (себе под нос, чтобы дети не услышали), когда он появился вновь и бросил мне пачку детских влажных салфеток.

— Вот, — сказал он, когда салфетки со свистом пролетели мимо меня и ударились о шторку душа.

Я наклонилась, чтобы взять их, мимоходом сверкнув глазами на Санджея. Я признавала, что такое поведение рано или поздно приведет к разладу в наших супружеских отношениях. Но он присутствовал при родах, и тем не менее нам удалось зачать второго ребенка. Да.

— Их нельзя смывать в туалет, — отметила я.

— Но это гигиеничнее, чем туалетная бумага, — сказал Санджей. — Это доказано исследованиями.

Санджей Лагари Кар, святой покровитель бесполезных мелочей.

— Спасибо, — сказала я.

Он пожал плечами. Потом бросил в кучу свое белье и шагнул под душ.

Минуту я сердито смотрела на шторку, а потом взглянула на лежавший у моих ног телефон. У меня оставалось семнадцать минут для того, чтобы приготовить детям ленч, чтобы они смогли взять его с собой в лагерь, одеться, прихорошиться и выскочить за дверь... «*Навсегда*», — на секунду, постыдную секунду, подумала я, прежде чем прогнать эту мысль из своей головы.

Я собиралась быстренько ополоснуться, но теперь мне пришлось бы либо согласиться с тем, что Санджей не выйдет отсюда до тех пор, пока я не уйду, либо столкнуться с его реакцией на мою просьбу оставить немного воды в озере Мичиган.

Я побежала обратно в спальню и натянула платье. Я как раз разминала мышцы на плечах, пытаясь застегнуть молнию, когда в спальню вошел оживленный Санджей, обернутый полотенцем.

— Как я выгляжу? — спросила я. В девять у меня было назначено совещание с начальницей, Иоландой, и я выбирала между платьем и брючным костюмом банковского кассира.

Сев на кровать, Санджей окинул меня взглядом.

— Ты замечательно выглядишь, — сказал он, но я была почти уверена, что его глаза не поднялись выше моих колен.

Я вздохнула. Моя ближайшая подруга Дженни называла Санджея «Вещь № 3». Если бы это был кто-то другой, а не Дженни, я бы обиделась. Конечно, кто бы знал, что иногда я на самом деле воспринимала мужа как своего третьего и, возможно, как самого нелюбимого ребенка. Теперь я тоже называла его «Вещь № 3», впрочем, только в разговоре с Дженни.

В любом случае Мэтт, ее муж, тоже не был идеалом. Поскольку большую часть своего детства я провела без матери и была воспитана отцом, проводившим больше времени на работе, чем дома, я бы никогда не смогла смириться с тем, что Мэтт все время находится в разъездах. Но Дженни говорила, что очень любит его, что охотно мирится с этим, даже если время от времени чувствует себя брошенной. Вот почему хорошо иметь подругу, с которой можно всем поделиться, — это дает тебе возможность обозреть чужую жизнь с высоты птичьего полета. Что, в свою очередь, напоминает о том, что все твои несчастья — это твой выбор.

По правде сказать, иногда я размышляла о лучшей доле. В браке Дженни была куча всего, чему можно было позавидовать, в том числе и то, что ей не нужно было каждое утро бежать на работу, потому что Мэтт зарабатывал уйму денег. Дженни тоже немало зарабатывала, ее «маленький веб-сайт» превратился в многотонный грузовик, но в ее зарботке не было необходимости. И хотя она никогда не говорила об этом, я была почти уверена, что на нее давят стены ее большого и со вкусом отделанного дома или что Сесили, ее единственный и до смешного благовоспитанный ребенок, пытается лишить ее жизнь всякой фантазии. Сидя за столом, Дженни не смотрела на сидящего напротив Мэтта (который никогда тщательно не разжевывал куриные нагетсы и листал свой телефон с открытым ртом), раздумывая, что же случилось после свадьбы с умным, воспитанным мужчиной.

Потому что она не подавала на ужин куриные нагетсы.

(Дженни и Мэтт все время занимались сексом.)

На самом деле мне не хочется уезжать, успокоила я себя, бросаясь на кухню, чтобы покончить с ленчем для детей. У меня было такое детство, что я считала большим везением то, что у меня появились полная семья и собственный дом со школой под боком, даже если порой я тосковала по пасторальному бездетному существованию, которым мы с Санджеем когда-то наслаждались в Бруклине. Я воздавала должное неожиданной удаче от того, что у нас два здоровых и, по большому счету, управляемых отпрыска. Наша соседка Лорри, которая без спроса проникала в наш дом чаще, чем мне хотелось бы («Просто поздороваться!» — сообщала она, когда я, вспотев от потрясения, обнаруживала, что дома я не одна и что кто-то, кого я однажды ошибочно приняла за подругу, валяется на моем диване), была матерью-одиночкой. Я знала, как это тяжело, ведь мой отец тоже остался один после того, как моя мать решила, что не создана для семейной жизни.

Но отец знал, что мне можно доверять, что я буду дома, пока он работает, и накормлю и перебинтую моего младшего брата Ника, по крайней мере, постараюсь. Тогда как у Лорри была маленькая Оливи, казавшаяся вполне обычным ребенком до тех пор, пока вы не понимали, что ее крепчайшие объятия были первым шагом срежиссированного плана вонзить в вас свои зубы. Ввиду этого, я осознанно старалась не жаловаться Лорри на бои без правил, которые Майлз и Стиви вели на сетчатом батуте у нас на заднем дворе, и не рассказывать ей по секрету о пылкой вере Санджея в то,

что выдернуть мятую одежду из сушилки и надеть ее — это все равно что «постирать».

Однако я прекрасно сознавала, что жизнь в полугипнотическом состоянии, которую я веду, была лишь на четверть удачной, учитывая все приложенные мной усилия. Я уехала из Бруклина и поменяла любимую, но малооплачиваемую работу на более доходную должность в отделе развития в главном университете Среднего запада — том самом, где Санджей проучился полтора семестра в медицинской школе, прежде чем признаться себе в том, что в действительности он не хочет быть врачом (неважно, что я указывала ему на это за несколько лет до того, когда он только начал готовиться к поступлению туда, потратив на это кучу денег).

Когда стало очевидно, что мы не сможем переехать с детьми обратно в Нью-Йорк, не продав на черном рынке какой-нибудь орган, я отыскала самых лучших соседей в нашем университетском городке. Я выбрала единственный дом, который мы могли позволить себе в желаемом нами округе, и теперь отдавала 29 процентов своей зарплаты (не считая налогов) на оплату ипотеки. (Санджею наконец начали платить за его редкие музыкальные обзоры и статьи, которые он писал, тем не менее я подталкивала его к тому, чтобы он пополнял эти деньги наш анемичный сберегательный счет, вместо того чтобы вкладывать их в дом.)

Эти решения оправдали себя. Стиви уже научилась читать. Они с Майлзом играли на заднем дворе, не покрытом асфальтом. Жизнь, которую мы вели, была не настолько дорога, чтобы из-за почти постоянной безработицы Санджея мы силь-